

죽지 않고
어른이 되는 법

Кан Джиён

КАК
ПОВЗРОСЛЕТЬ,
не умерев

Freedom

Москва
2026

УДК 821.531-312.9
ББК 84(5Кор)-44
K19

죽지 않고 어른이 되는 법 by 강지영

HOW TO BECOME AN ADULT WITHOUT DYING by Kang Jiyoung

Copyright © 2024 Kang Jiyoung
Russian Translation Copyright © 2025 «Publishing House «Eksmo»
ALL RIGHTS RESERVED

This translated edition was published by arrangement with
Kyobo Book Centre Co., Ltd. through Shinwon Agency Co., Ltd.

Дизайн обложки Елены Ефименко

Иллюстрация на обложке Dzikawa

Кан Джиён.

K19 Как повзросльеть, не умерев / Кан Джиён ; [перевод с корейского Екатерины Бекетовой]. – Москва : Эксмо, 2026. – 320 с. – (Young Adult. Корейские романы).

ISBN 978-5-04-220332-9

Сон Джэй – девушка, обреченная на бесконечный цикл смертей и возрождений. С каждой гибелью Джэй мир буквально останавливался и превращался в темную безду.

Она помнит все – от первой встречи с монстром, который сообщил ей, что у нее будет шесть шансов родиться снова, до ледяного удушья на дне бассейна и последнего вздоха в шестой жизни. В своей седьмой попытке Джэй отказывается следовать сценарию и ждать очередного удара судьбы. Вместо этого она решает найти источник проклятия – потустороннюю сущность, играющую с ее жизнью. Однако чем ближе девушка подбирается к разгадке, тем яснее понимает: ключ к свободе не в побеге, а в принятии своего опыта. Сможет ли Джэй перехитрить судьбу или ее ждет седьмая, и последняя, гибель?

УДК 821.531-312.9
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-220332-9

© Бекетова Е. А., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

죽지 않고 어른이 되는 법

Пролог

Когда я умираю, мир останавливается. Это не метафора. Я внимательно наблюдала за происходящим, и каждый раз в тот момент, когда я переставала дышать, мир прекращал движение. Затем, словно по щелчку выключателя, солнце гасло, и предметы из 3D обращались в 2D. А их линии, прямые, изогнутые или округлые, становились настолько непривычными, что невозможно было вспомнить, для чего эти предметы предназначались, пока пристально в них не взглянешься. Окажись со мной рядом хоть кто-нибудь, я бы с радостью спросила, действительно ли моя жизнь в очередной раз закончилась, но я была совсем одна. Поэтому мне приходилось молча наблюдать, как предметы, от которых оставались лишь неясные контуры, исчезают совсем, подобно чернилам, что растворяются в воде, или облакам, рассеиваемым ветром. Словно я была енотом, которыйглядит на тающую в воде сладкую вату.

Через некоторое время мир превращался в огромную темную бездну. На черной равнине, откуда не видно ни звезд, ни луны, ни спутников, оставалось только сознание. Одиночество, отчуждение, страх, печаль и прочие похожие эмоции я испытывала только во время первой и второй смертей. После этого я ощущала лишь злость и раздражение, как геймер, проигрывающий которую игру подряд. Разве это нормально? Я умерла уже шесть раз, так и не став взрослой! Стоит только подумать о том, сколько еще раз мне придется повторить одно и то же, чтобы добраться до нормального конца, как на меня накатывает гнев. Правда, только в мыслях, поскольку я уже умерла, и тела у меня не было. Только в мыслях. Честно говоря, на этот раз я особо не задумывалась. Ну разве что размышляла, а не стать ли мне в следующей жизни веганом?

Полагаю, я уже об этом сообщила, но повторю еще раз – я раз за разом умираю и рождаюсь снова. Это уже седьмая попытка. Если кто-то спросит, не реинкарнация ли это, я отвечу: вполне возможно, это она и есть. Но в этом нет ничего романтичного. Мою душу никто не замачивает в отбелителе, чтобы удалить без следа воспоминания о прошлой жизни, не высушивает ее на солнце и не помещает в новое тело. Неважно, когда и как я умираю, я все равно рождаюсь у своей матери Ким Ынхе в девять часов пять минут утра третьего

мая две тысячи пятого года. Мой вес – три килограмма четыреста пятьдесят грамм, мой рост – пятьдесят один сантиметр. Я – девочка со второй группой крови и монгольским пятном в форме песочных часов возле копчика. При рождении меня называют Бэмби, а через три дня дают имя Сон Джэи.

Я еще новорожденный младенец, поэтому не могу изменить ничего из вышеперечисленного. Единственное, что в моих силах, – это плакать как можно громче, сосать мамин сосок, который каждый раз проскальзывает в рот между моих губ, и ждать, когда я наконец смогу говорить. Стоит только замешкаться и начать развиваться медленнее, как я оказываюсь в дурацких ситуациях. Мне нужно скорее начать давать моим беспечным родителям советы, чтобы они не совершали одни и те же ошибки, но я еще не могу внятно говорить, так что это проблематично. И все же, несмотря на все мои напутствия, им уже шесть раз не удалось предотвратить смерть дочери. Из-за этого их мир, который вращался вокруг меня, тоже мгновенно умирал.

Может показаться, что моя реинкарнация не влияет на других, но, если задуматься, это не совсем так. Бывает, что люди, отправившись в новое место, встретив нового человека или оказавшись в новых обстоятельствах, ощущают, будто уже видели или испытывали нечто подоб-

ное раньше. Естественно, после шести повторений в них остались едва различимые образы пережитого, но люди из моей вселенной склонны верить, что это был сон, который им когда-то снился, или сцена из дорамы, которую они смотрели давным-давно. На самом деле источником тревоги и нервозности, которые они испытывают перед серьезным происшествием, тоже может быть моя реинкарнация. По крайней мере, таково мое мнение.

Я перерождалась множество раз, поэтому, возможно, в этом дурацком объяснении нет никакой необходимости. Теперь я даже не надеюсь на такие глупости, как здоровье и долголетие. Я просто хочу хоть раз стать взрослой. Почему-то мне кажется, что эта идиотская перезагрузка прекратится, как только мне исполнится двадцать. Так же, как младенцы, которые никогда не учились плавать, оказавшись в воде, задерживают дыхание, люди инстинктивно понимают, что нужно делать, чтобы выжить. Сначала это казалось чем-то неопределенным, но теперь я почти уверена. Думаю, эгоистичная вселенная, что родилась вокруг меня, наконец прекратит похожую на йо-йо игру в реинкарнацию, когда поймет, что это не такое уж веселое развлечение, поскольку гормоны роста перестали выделяться. Я уже бывалый младенец, начавший аж седьмую жизни! Не стоит недооценивать силу, с которой я сосу мамину грудь.

Ынхе встала на цыпочки и посмотрела на детей, выстроившихся у стеклянных дверей детского сада. Джэи стояла впереди всех и широко зевала, прикрывая рот тыльной стороной ладошки. Ее волосы, которые утром мама заплела в две тугие косы, растрепались, а на желтой форме спереди расплылось красноватое пятно, как будто она чем-то облилась. Когда воспитательница что-то сказала, головы детей одновременно поднялись и повернулись к ней. Пока остальные малыши хлопали в ладоши и радостно отвечали воспитательнице, Джэи смотрела на Ынхе, ковыряя в ухе мизинцем. Вскоре стеклянные двери открылись, оттуда вприпрыжку выбежали трехлетки и прижались к своим мамам, которые столпились снаружи. Джэи тоже не отставала. Она отдала Ынхе сумку, которая висела у нее на плече.

— Сон Джэи, когда воспитательница говорит, ты должна сосредоточиться и внимательно ее слушать! Почему ты занимаешься посторонними вещами?

— Мои уши все слышали. Она говорила со всем очевидное! Что перед сном надо чистить зубы.

— И все-таки это невежливо. Ты же говорила, что уже доживала до девятнадцати лет? Но я бы не воспитала тебя такой дерзкой де-

вочкой... Кстати, ты опять чем-то испачкалась?
И чем же?

Слова Ынхе заставили Джэи остановиться и сказать:

— Я не ем помидоры. Точнее, не могу их есть. Как только они оказываются у меня в желудке, меня тут же начинает тошнить. По-моему, я уже два раза тебе это говорила, но, мам, ты разве не посмотрела, что сегодня дают в столовой? Надо было посмотреть и дать мне что-нибудь с собой. Разве можно быть такой равнодушной? Как ты растишь ребенка?

После слов дочери Ынхе перевела взгляд на общественную спортивную площадку, которую строили за жилым комплексом. Она пристально вглядывалась в пейзаж, в котором не было ничего необычного или удивительного, и подбирала слова.

— Я думала, что все будет нормально, ведь вам давали не помидоры целиком. Эй, давай-ка исправлять твои вкусы в еде. Ты хоть знаешь, как много блюд с помидорами? — сказала Ынхе.

Затем она посмотрела на лицо Джэи, на котором не было ни тени улыбки, и пожалела о сказанном. Надо было просто извиниться. Зачем она глупо солгала, чтобы тут же попасться?

— Мам, да разве это твоя вина? Проблема в системе образования. Сегодня я отказалась есть спагетти с томатным соусом, и со мной обращались как с еврейкой. Воспитательница приклеила на мой бейдж наклейку с помидором. Джуа — с болгарским перцем, Джиуну — с горохом. А Джунсо не приклеила ничего только потому, что он ее сын, хотя он не ест кимчи. Ладно, хватит. У меня что-то горло болит, — и Джэи громко кашлянула.

— Невестка, вы собираетесь сегодня в город? Хотите, я вас подвезу? — обратился к маме знакомый мужчина, который выезжал с парковки на первом этаже здания под номером сто четыре.

— Нет! Честь имею! — Ынхе не смогла вспомнить, кто это, но тут же подняла руку ко лбу, чтобы отдать честь.

В этом жилом комплексе разные мужчины по несколько раз на дню называли Ынхе невесткой. Они узнавали ее и здоровались в лифте, в супермаркете, у управляющего, на подземной парковке, в пункте сдачи мусора и даже там, где она кормила бродячих кошек.

Мужчины в военной форме и с камуфляжными рюкзаками в основном были молодыми отцами и коллегами Юджина, мужа Ынхе. Юджин, который встретил жену, когда служил сержантом в военной части «Гром», и только не-

давно стал старшим сержантом, тоже называл соседок невестками, а их дети обращались к нему «дядя». Внимание, которое проявляли к Ынхе несколько сотен соседей, служивших в одном месте и живших в одном доме со служебными квартирами, тяготило ее. Воспитательница в детском саду, куда ходила Джэи, была женой подполковника Ли, чья семья жила напротив, поэтому Ынхе всякий раз колебалась, когда нужно было как-то ей возразить. И все же она решила, что по поводу помидоров нужно обязательно поговорить.

— Сон Джэи, если тебе тяжело, залезешь мне на спину?

Когда Джэи начала ходить в садик, она круглый год страдала от простуд.

— Зачем? Мы же почти пришли. И хватит уже отдавать честь. Ты разве военная? Достаточно того, что в нашей семье папа живет ради страны и народа. Думаю, он уже выполнил нашу норму патриотизма. Разве нет? — проговорила Джэи, понизив голос.

Но охранник, который тихо шел следом за мамой с дочкой, все равно услышал ее слова и не на шутку удивился. Он даже выронил термос, который держал в руке, и посмотрел на них, широко разинув рот. Оно и неудивительно: очень странно, почти невероятно, когда

девочка, которой вряд ли было больше тридцати месяцев, говорила совершенно по-взрослому. Заметив охранника, мама с дочкой вздрогнули от удивления, но тут же переглянулись и начали действовать по заранее подготовленной инструкции.

— Ох, я думала, тут никого, поэтому переключила разговор на громкую связь. Перезвоню тебе из дома, — Ынхе вынула из кармана мобильный и сделала вид, что нажимает на кнопку «Отбой», а затем смущенно улыбнулась охраннику.

— Я тоже хочу сказать тете «Алло»! Я тоже хочу! — Джэи, топая ногами, повисла на руке Ынхе, в которой та держала телефон.

Глаза матери и дочери внимательно изучали лицо охранника, которое постепенно смягчилось.

— Фух! У дедушки чуть инфаркт не случился. Разве может маленькая девочка говорить лучше взрослого? Я уж решил, что у меня деменция. Даже ноги подкосились, и я чуть не упал. Девочка, на улице холодно. Иди скорее домой. Госпожа, входите! — Только теперь охранник подобрал укатившийся в сторону термос и поприветствовал Ынхе.

Увидев, как он медленно возвращается к себе в каморку, мама с дочкой выдохнули с облегчением.